

5. Лихачев, Д.С. Внутренний мир художественного произведения / Д.С. Лихачев // Вопросы литературы. – 1968. – № 8. – С. 74–87.
6. Фолкнер, У. Собрание сочинений. В 6 т. / У. Фолкнер; редкол. Б. Грибанов, П. Палиевский, А. Сахаров. – М.: Художественная литература, 1986. – Т. 3: Непобежденные, Сойди, Моисей, Осквернитель праха. – 656 с.
7. Faulkner, W. The Faulkner Reader: Selections from the Works of William Faulkner / W. Faulkner. – New York: Random House, 1954. – xi, 682 p.
8. Spivey, E.H. Faulkner and the Adamic Myth: Faulkner's Moral Vision / E.H. Spivey. // *Modern Fiction Studies*. – 1974 – Vol. 19, No. 4. – P. 497–505.
9. Wood, A. The Ethics of the Natural World: An Anarcho-Primitivist Synthesis of William Faulkner's "The Bear" [Electronic resource] / A. Wood. – Mode of access: <https://theanarchistlibrary.org/library/alden-wood-the-ethics-of-the-natural-world-an-anarcho-primitivist-synthesis-of-william-faulkner>. – Date of access: 23.03.2024.

V.E. Kontarau

Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk
e-mail: v.kontorov@psu.by

The Moral World of William Faulkner's The Bear

Key words: American literature, axiology, moral world, value orientation, idea.

The article examines the moral world of William Faulkner's The Bear. Particular attention is given to the description of the influence of transcendentalist and Christian ideas on the value orientation of the work, based on the interpretation of the plot and the figurative-motivic structure of the text. It is shown that the writer's attention is focused on the artistic depiction of the moral development of the individual in specific historical and timeless (mythological) context.

Я.И. Красовская

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: belyana17@mail.ru

УДК 821.161.1-191

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ЗООМОРФНЫХ ОБРАЗОВ В БАСНЯХ И.А. КРЫЛОВА И Ж. ДЕ ЛАФОНТЕНА

Ключевые слова: басня, зооморфная метафора, образы животных, аллегория, эмоционально-оценочный компонент, национально-культурная специфика.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования образов, основанных на зооморфной метафоре, в творчестве И.А. Крылова и Ж. де Лафонтена. Раскрываются универсальные и специфические особенности зооморфизмов и их эмоционально-оценочная коннотация. Сделаны выводы о значении национально-культурной специфики зооморфных образов в рамках лингвокультурного кода.

Представление животных в виде аллегорических образов является одной из наиболее типичных характеристик басен. Несмотря на то, что авторы басен используют и образы людей, представляя их с помощью характеристики социального положения, профессии (крестьянин, пастух, рыбак, повар, птицелов,) или морально-нравственных качеств (скупой, мудрец, мот, безумец), именно образы, основанные на зооморфной метафоре, представлены в баснях наиболее широко и ярко. Это становится возможным в силу того, что за каждым образом животного в сознании читателя закреплен определенный тип поведения, что избавляет автора от необходимости глубоко раскрывать образы и позволяет сохранить экспрессивность и устойчивость образов. Об этом писал В.А. Жуковский в своей работе «О басне и баснях Крылова», описывая основные особенности басни: «Животные представляют в ней человека, но человека в некоторых только отношениях, с некоторыми свойствами, и каждое животное, имея при себе свой неотъемлемый постоянный характер, есть, так сказать, готовое и для каждого ясное изображение как человека, так и характера, ему принадлежащего» [2, с. 402].

Рассмотрение зоо-образов на материале басен неоднократно становилось предметом исследований. В рамках данной статьи аксиологический компонент метафоры как основы зооморфного образа рассматривается с учетом лингвокультурологического аспекта в соответствии со взглядами Дж. Лакоффа и М. Джонсона, определявшими метафору как «понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [3, с. 27].

Актуальность данного исследования обуславливается высоким оценочным потенциалом зоометафоры [1, с. 76]. В качестве материала было использовано полное собрание сочинений И.А. Крылова и Ж. де Лафонтена как наиболее значимых авторов басен [5, с. 1168].

Явление зооморфизма, наделения животных человеческими характеристиками, лежит в основе зоометафоры. Оно восходит к первобытным временам, когда люди одушевляли окружающий мир и, наблюдая за поведением животных, отождествляли и проецировали на них человеческие качества. Среди письменных источников, свидетельствующих о древних корнях данного явления, можно выделить сборники под названием «Физиолог» – бестиарии II-III вв., в которых зафиксированы символические толкования образов животных. В статьях соединяются наблюдения за физиологическими особенностями животных («ежи имеют вид шара ... и целиком из игл состоят»), их устоявшиеся аллегорические значения (лев – царь зверей, змея – мудрость) и символические толкования с точки зрения христианства (голубь – символ Святого Духа) [4].

Метафорическое восприятие живых существ получило отражение и в баснях как древнейшем литературном жанре. Авторству Эзопа, по имени которого и получил название язык аллегорий, принадлежат многие наиболее

известные сюжеты, впоследствии переработанные Ж. де Лафонтеном и И.А. Крыловым. В древнегреческих баснях уже можно выявить основную группу наиболее часто употребительных животных: лиса, волк, лев, орел, ворона, осел, овца, собака. Закрепленные за ними ассоциативные признаки (лиса – хитрость, лев – гордость, осел – упрямство, глупость, и т.д.) являются универсальными и понятными современному читателю. Они широко используются в своем символическом значении в современной литературе и массовой культуре.

Рассматривая басни Эзопа как основной источник заимствования сюжетов, можно отметить, что большинство из них подвергаются трансформациям. Произведения Эзопа имеют краткую прозаическую форму, а дидактический характер басни четко подчеркивается в конце конкретными нравоучениями. В переложении Ж. де Лафонтена и И.А. Крылова басни приобретают стихотворную форму и авторскую интерпретацию, которая выражается в использовании различных художественных средств и изменении фабулы и/или композиционной структуры.

Например, мораль басни «Ворон и Лисица» у Эзопа в финале сформулирована следующим образом: *«Басня уместна против человека неразумного»*. Этот же сюжет у Ж. де Лафонтена («Le Corbeau et le Renard») мораль не возвышенна: с одной стороны, лиса проучила падкую на лесть ворону (*«Помни, друг, что всякий льстец – наших благ всегда истец! / И за этакий урок / И не сыра бы кусок»*), с другой – ворон при этом не осуждается как неразумный, он делает выводы из преподнесенного урока: *«И клялся (хоть поздно) он .../ Что вперед, как вышло тут, / Уж его не проведут!»*. В версии И.А. Крылова мораль выражена лишь во вступлении (*«Уж сколько раз твердили миру / Что лесть гнусна, вредна...»*) – т.е. художественная составляющая произведения преобладает над дидактическим элементом.

Примерами также могут служить такие известные басни, как «Волк и Цапля» и «Стрекоза и Муравей». В басне «Волк и Цапля» у Эзопа мораль сформулирована следующим образом: *«Басня показывает, что когда дурные люди не делают зла, это им уже кажется благодеянием»*. Ж. де Лафонтен в своей версии произведения («Le Loup et la Cigogne») переносит акцент с образа Волка на действия Журавля: *«Тот права честности немало собрегает, кто людям никогда худым не помогает»*. В изложении И.А. Крылова («Волк и Журавль») мораль вообще не имеет четкой формулировки в тексте и подразумевается имплицитно.

Басня «Стрекоза и Муравей» («La Cigale et la Fourmi») Ж. де Лафонтена заканчивается тем, что Муравей, несмотря на отповедь, всё-таки оказывает помощь Стрекозе: *«Но это только в поученье / Ей муравей сказал, / А сам на прокормленье / Из жалости ей хлеба дал»*. В версии И.А. Крылова подобного окончания сюжета нет, также отсутствует сформулированная мораль, что компенсируется динамичностью диалогов животных.

Помимо изменения морали, фабулы или отдельных мотивов при заимствовании сюжетов часто встречаются и замены образов животных. Это можно отметить, сравнивая оригинальные сюжеты Эзопа и их интерпретации русским и французским баснописцами. Известно, что И.А. Крылов заимствовал некоторые сюжеты у Эзопа через версии перевода Лафонтена [5, с.1168], но перерабатывал их в соответствии с традиционными аллегорическими представлениями о животных. Так, в баснях Ж. де Лафонтена обнаруживается большее разнообразие представителей животных образов: верблюд, ласка, олень, газель, леопард, кролик, дельфин, жаворонок, куропатка, коршун, аист, индюшка, сова, устрица. Многие из них, не имеющие оценочной коннотации для русскоязычного читателя, в процессе переложения подвергались переводческим трансформациям. Например, И.А. Крылов сохраняет оригинальные эзоповские образы произведения «Лев и Лисица», фабула которого у Лафонтена повторяется в басне «Верблюд и плывущие поленья» («Le Chameau et les Bâtons flottants»). Подобным образом, французская басня «La Cigale et la Fourmi» («Цикада и Муравья») известна русскому читателю как «Стрекоза и Муравей», а «Le Corbeau et le Renard» («Ворон и Лис») – как «Ворона и Лисица», «Le Renard et la Cigogne» («Лис и Аист») – как «Лиса и Журавль». В басне «Лягушки, просящие царя» авторства Эзопа наказание лягушкам предстает как морская змея, в переложении Лафонтена – как аист (la cigogne), в версии Крылова – как цапля. «Ворона в павлиньих перьях» во французской версии является сойкой («Le Geai paré des plumes du paon»).

Несмотря на национальную специфику, отражающуюся в отборе животных, в целом набор зооморфных образов в баснях рассматриваемых авторов можно считать универсальным, как и человеческие качества, которые они символизируют: волк как воплощение злобы, жадности, лиса – хитрости, лев – царственности и гордости, медведь – физической силы, собака – преданности, осел и мул – упрямства и глупости, бык и лошадь – трудолюбия, овцы – покорности и бесправности, ягненок и козленок – незащищенности, лягушка – стремления занять более высокое положение. Образы мыши и крысы зачастую используются синонимично. Среди птиц наиболее популярны образы вороны (воплощение растяпы), голубя (символ кротости и любви), ласточки (ассоциируемой с приходом весны), петуха (задиристость). Соловей и павлин часто противопоставляются по таким признакам, как яркая/невыдающаяся внешность и наличие/отсутствие таланта.

Гораздо реже встречаются басни, где героями становятся представители других групп животного мира, не имеющие постоянных аллегорических ассоциаций и, соответственно, сложные для интерпретации, – насекомые, пресмыкающиеся и рыбы. Среди образов насекомых нами были обнаружены муха, пчела, муравей, комар, паук и стрекоза («Муха и Дорожные», «Муха и Пчела», «Лев и Комар», «Орел и Паук», «Орел и Пчела», «Паук и Пчела», «Пчела и Мухи», «Стрекоза и Муравей» Крылова;

«Голубь и Муравей», «Паук и Подагра», «Шершни и Пчелы», «Стрекоза» Лафонтена). Пчела и муравей предстают здесь как символы трудолюбия, стрекоза – безделья, муха и комар, как правило, обозначают незначительных людей, а паук характеризуется по умению плести сети.

Наиболее яркий представитель пресмыкающихся среди животных образов – змея, которая традиционно представляет собой порождение зла («Змея и Овца», «Змея», «Клеветник и Змея», «Голова и Хвост Змеи», «Змея и Пила»), если не убивающая человека, то представляющая опасность («Мальчик и Змея»). В басне И.А. Крылова «Крестьянин и Змея», где Змея пытается завести дружбу с человеком, это интерпретируется как попытка обмануть свою истинную природу. Рыбы встречаются в единичных случаях: в баснях «Рыбья пляска», «Леши» И.А. Крылова, «Рыбак и Рыбка», «Рыбы и Баклан», «Рыбы и Пастух с Флейтой», «Шутник и Рыбы» Ж. де Лафонтена, где они выступают лишь как собирательный образ безмолвной толпы или объект обсуждений основных героев. У И.А. Крылова встречаются такие ихтионимы, как плотва (символ глупости и самонадеянности – «Плотичка») и щука (хищник – «Щука», «Щука и Кот»).

Несмотря на то, что большая часть басен построена на конфликте между животными, в некоторых из них контраст между персонажами достигается за счет введения человеческих персонажей. Это объясняется тем, что животные в басне представляют собой скорее собирательные образы, модели поведения, а не живых существ, а их биологические свойства нейтрализуются. В сюжетах, где они взаимодействуют с человеком, не вызывает удивления факты общения с человеком («Лев и Человек», «Гуси», «Лань и Дервиш», «Лиса-строитель» И.А. Крылова; «Волк, Мать и Ребенок», «Рыбак и Рыбка», «Птицелов, Ястреб и Жаворонок» Ж. де Лафонтена), желание животного помочь человеку («Комар и Пастух» И.А. Крылова; «Поселянин и Змея» Ж. де Лафонтена), завести дружеские («Крестьянин и Змея», «Пустынник и Медведь», «Мальчик и Червяк» И.А. Крылова, «Друг Невежа» Ж. де Лафонтена), или любовные отношения («Влюбленный Лев», «Кошка, превращенная в Женщину» Ж. де Лафонтена). Столкновение образов человека и животного используется для ироничного взгляда на жизнь людей со стороны («Волк и Пастухи», «Собака, Человек, Кошка и Сокол» Крылова, «Лев, сраженный Человеком» Лафонтена) или с художественной целью усиления выразительности («Клеветник и Змея»). Часто человек противопоставляется животному с целью подчеркнуть неизменность врожденной природы, животного начала («Обезьяна и Дофин» или «Кошка, превращенная в Женщину» Лафонтена – версия басни Эзопа «Ласка и Афродита»).

Проанализировав весь спектр представленных выше зоо-образов и их символическое значение, можно отметить, что в них превалирует пейоративная эмоционально-оценочная коннотация. С их помощью авторы

экспрессивно выявляют ряд общечеловеческих пороков: лень («Стрекоза и Муравей»), эгоизм («Лягушка и Юпитер»), хвастовство («Заяц на ловле»), невежество («Петух к найденной жемчужине»), тщеславие («Лев и муха»), злословие («Мыши»), насилие над слабым («Волк и Ягненок»), зависть («Прохожие и Собаки»), жадность («Лисица и Аист»), трусость («Мышь и Крыса»), жестокосердие («Змея и Овца») и др.

Факт наличия в разных культурах универсальных животных образов в совокупности с яркой образностью, которые были сохранены при переводе на французский и русский языки, обусловил появление ряда крылатых выражений и фразеологизмов с зоонимным компонентом, имеющих одинаковую семантическую организацию в разных языках: «*курица, несущая золотые яйца*» / «*la poule aux oeufs d'or*» («Скупой и Курица»), «*делить шкуру неубитого медведя*» / «*vendre la peau de l'ours avant de l'avoir tué*» («Медведь и Два Охотника»), «*львиная доля*» / «*la part du lion*» («Лев, Осел и Лисица»), «*пригреть змею на груди*» / «*réchauffer un serpent dans son sein*» («Крестьянин и Змея») и т.д.

Наряду с универсальным характером рецепции большинства зооморфных образов, в баснях каждого из рассматриваемых авторов можно выделить и специфичные черты, обусловленные эпохой, социальным и историческим контекстом. В баснях Лафонтена современникам были очевидны отсылки к актуальным событиям: например, басни «Солнце и лягушки», «Рыбы и Пастух с флейтой» относятся к Голландской войне [6]. Большое внимание Лафонтен уделяет социальному аспекту жизни. Он рассуждает об особенностях управления страной королем Людовиком XIV, традиционно уподобляя его Льву («Лев и его двор», «Лев в походе», «Стоглавый и Стохвостый Драконы», «Осел и Воры»). Лафонтен говорит о социальном неравенстве, сатирически изображает буржуазию и современное ему классовое общество в образах волков, лис, медведей, шершней и мышей («Война крыс и ласок», «Шершни и Пчелы», «Мор зверей», «Мышь, удалившаяся от света»), иронично отзываясь о некоторых чертах соотечественниках: «*как в Нормандии, старайтесь дать ответ: / Ни да, ни нет*» («Лев и его двор»).

В баснях И.А. Крылова также находят отражение исторические события и личности: например, Отечественная война 1812 г. («Волк на псарне» – о переговорах М.И. Кутузова и Наполеона; «Кот и Повар», «Ворона и Курица»; «Щука и Кот», «Обоз»), император Александр I («Чиж и Еж», «Рыбьи пляски» и «Воспитание Льва») [5, с.1169]. Национально-культурная окрашенность отражается также в употреблении в качестве синонима животному распространенной клички: кот – Васька («Щука и Кот», «Волк и Кот»), собака – Барбос («Крестьянин и Собака», «Две собаки»), свинья – Хавронья («Свинья»). Использование народных пословиц, поговорок, примет и наблюдений за природой (ласточка весну приносит, одна ласточка погоды не делает («Мот и Ласточка»); медведь не трогает

мертвых («Медведь в сетях») делает язык Крылова живым, ярким и выразительным, обогащая литературную речь крылатыми выражениями («а Васька слушает да ест» – «Кот и Повар»).

Зооморфные образы играют в баснях неотъемлемую роль как средство воплощения типичного и национального характера. Интерпретация басен и основных зооморфных образов неразрывно связана с пониманием реалий жизни и мировоззрений представителей эпохи. В творчестве И.А. Крылова и Ж. де Лафонтена посредством использования аллегорических образов животных отражаются как универсальные взгляды на природу человеческих ценностей, так и национальные явления, отражающие дух народа. Используя устоявшиеся животные образы, авторам удастся всесторонне описать человеческую природу. Высокая частотность использования зооморфных метафор в литературных произведениях и речи – как отдельных номинативных единиц и в качестве компонентов устойчивых выражений – открывает перспективы для дальнейших исследований.

Литература

1. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М.: Наука, 1985. – 224 с.
2. Жуковский, В.А. Собрание сочинений: в 4 т. / В.А. Жуковский – М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1960. – Т. 4: Одиссея. Художественная проза. Критические статьи. Письма. – С. 402-680.
3. Лакофф Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
4. Литература Древней Руси: Биобиблиографический словарь / [Сост.: Л.В. Соколова]; под ред. О.В. Творогова. – М.: Просвещение: Учеб. лит., 1996. – 238 с.
5. Эзоп, Лафонтен, Крылов. Полное собрание басен в одном томе / Пер. с греч., с фр. – М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. – 1135 с.: ил. – (Полное собрание в одном томе).
6. Toutes les fables de Jean de La Fontaine, illustrées, annotées [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.la-fontaine-ch-thierry.net/fables.html/>. – Дата доступа: 05.04.2024.

Y.I. Krasovskaya

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

e-mail: belyana17@mail.ru

Axiological component of zoomorphic images in I.A. Krylov's and Jean de la Fontaine's fables

Key words: fable, zoomorphic metaphor, animal images, allegory, emotional-evaluative component, cultural specificity.

Abstract. The article deals with the peculiarities of functioning of the images based on zoomorphic metaphors in I.A. Krylov's and Jean de la Fontaine's works. The universal and specific features of zoomorphisms, their evaluative and connotations are revealed. Conclusions are drawn about the meaning of zoomorphic images and their ethnocultural specificity as a part of the linguocultural code.